

Родилась в Ангарске. Затем вместе с родителями переехала в Дмитровград Ульяновской области. Образование – экономическое, окончила Куйбышевский плановый институт. Работала в Самаре и Дмитровграде. Последние десять лет преподавала экономические дисциплины в филиале Ульяновского государственного университета в Дмитровграде. В январе 2015 года переехала в Казань. Здесь всерьёз взялась за литературное творчество. Предлагаем нашему читателю подборку нового автора «Казанского альманаха».

рассказы

Пауза
Хузахметова

Странное свидание

День выдался свободным, и мы со Светкой договорились погулять и сходить в кино. В назначенное время я была в сквере у скамейки. Подруги ещё не было. Вскоре она позвонила и прокричала, что немного задержится. Я успела ответить ей: «Хорошо», и телефон мой окончательно разрядился. Светкино «немного задержусь» означало «примерно через час», но я уже привыкла к рассеянности и необязательности подруги. Да и расстраиваться не было повода – день был великолепный, я никуда не торопилась, и потом у меня с собой был томик стихов. Усевшись удобнее на скамейке, я достала книжку и углубилась в чтение.

Дым сигареты привлёк моё внимание. Я оглянулась и увидела парня, сидевшего на соседней скамейке. Заметив моё недовольное лицо, парень встал и отошёл немного в сторону. Потом он снова подошёл и сел на скамейку.

– Простите, – обратился он немного

погодя, вставая и подходя ко мне, – вы позволите позвонить по вашему телефону?

– Позволю, но он разрядился, – ответила я.

– Да? А мой тоже... – разочарованно произнёс парень. – Дурацкая ситуация – и уйти нельзя, и позвонить невозможно.

– Значит, нужно ждать! – убедительным голосом произнесла я, желая подбодрить молодого человека.

– А вы тоже кого-то ждёте? – спросил он.

– Да, подругу, – ответила я и опустила взгляд на книжку.

– Что ж, давайте ждать вместе. Разрешите? – И парень присел на скамейку рядом со мной. – Что это у вас?

– Стихи, – коротко ответила я, не зная, как отнестись к неожиданному вниманию. Парень вёл себя вполне корректно, и что-то в нём было, располагающее к себе.

– Разрешите, – опять произнёс он и взял из моих рук книжку.

Потом открыл наугад томик, начал читать стихи, изредка заглядывая в текст. Я слушала его, пытаюсь придраться хоть к чему-нибудь и настроить себя против молодого человека, но у меня ничего не получалось. Всё в нем было привлекательно – и глаза, и голос, и улыбка, и даже манера читать стихи. От его лица трудно было оторваться. Поймав себя на мысли, что слишком долго его разглядываю, я опустила глаза. Вскоре уж забыла обо всём и слышала только проникновенный голос.

– Как вы хорошо читаете! – сказала я, когда он захлопнул книгу.

– Это вы хорошо слушаете, – ответил он, и мы засмеялись.

– Олег, – представился парень.

– Инна, – ответила я.

– Ин-на... – протяжно произнёс Олег, глядя куда-то вверх. – Произносишь, и буквы тают...

– Какая странная ассоциация с моим

именем, – удивилась я. – Первый раз такое слышу.

Мы опять засмеялись. Стало как-то просто, легко и радостно. Мы сидели и о чём-то говорили, говорили, глядя друг на друга и смеясь. Мимо проходили люди, где-то проносились машины, а я ничего не замечала, кроме этого парня.

– Эй, привет! – раздался откуда-то знакомый голос, выдернув меня из какого-то радостного забытья.

Мы обернулись на шорох приближающихся к нам торопливых шагов и, одновременно вскочив со скамейки, почти одновременно воскликнули:

– Наконец-то!

К нам приближалась Светка.

– О, Олег, а ты как здесь? – она уже стояла рядом, запыхавшаяся и радостная. – Мы же на завтра договорились. – Светка залилась смехом. – Опять я всё перепутала.

Светка продолжала смеяться, а мы стояли молча, переводя взгляд то на неё, то друг на друга, и никак не могли заставить себя улыбнуться.

Беранже, Нанетта и «артист»

Мне предстояло поехать в другой город. Поездка не предвещала ничего необычного, если не считать того, что в автобусе на переднее сиденье рядом со мной сел мужчина в меховом полушубке точно такого же цвета, как и моя красивая шубка.

«Удивительное совпадение», – подумала я.

Но вряд ли мысль о таком случайном совпадении пришла в голову сидевшему за мной подвыпившему молодому мужчине. Действительно, я и мой сосед производили впечатление хорошо

одетой пары, ехавшей вместе. Думаю, именно эта красивая меховая одежда и вызвала недовольство сидевшего за мной человека. Возмущённым голосом он что-то долго бурчал себе под нос. Я сначала старалась не обращать на него внимания, находясь во власти мыслей о поездке и о предстоящей встрече. Но подвыпивший мужчина говорил всё громче и раздражённее. Это были рассуждения общего плана – обо всём и ни о чём, но во всех бедах мужчина обвинял «богатых, хорошо одетых» людей, которые «ничего не знают и не умеют

делать, а живут чужим трудом», подразумевая сидящую впереди него пару.

Подвыпивший неплохо владел ораторским искусством, так что никто его не останавливал и не одёргивал. Думаю, пассажиры даже обрадовались неожиданному развлечению и быстро превратились в благодарных слушателей. Водитель автобуса тоже, к моему удивлению, не посчитал нужным навести порядок на своей территории. Возможно, он решил, что я еду не одна, а вместе с сидящим рядом мужчиной, и предоставил возможность разбираться с пьяным нам самим. Но сосед в меховом полушубке внимательно смотрел в окно и за всю дорогу не проронил ни слова.

Мужчина же сзади старался изо всех сил. Он уже понял, что я еду одна, и что за меня никто не вступится. Не встречая отпора, он разглагольствовал всё громче и красноречивее, упиваясь своей ролью обличителя. При этом выступающий дёргал спинку кресла, произнося какие-нибудь «сильные» фразы над ухом и обдавая винными парами. Я понимала, что время для одёргивания уже упущено и что теперь связываться с пьяным уже опасно.

Так мы проехали половину долгого пути. Я устала от назойливого громкого голоса, настроение было испорчено. Мне ужасно хотелось встать и отшвырнуть от своего кресла этого человека. А он уже достиг апогея в своём выступлении. Повернувшись лицом к пассажирам, встав во весь рост и держась одной рукой за спинку моего кресла и картинно

поводя другой рукой перед благодарной аудиторией, он начал декламировать стихи, не забывая поминутно обращаться ко мне. Потом перегнувшись через спинку кресла и потрясая перед моим лицом рукой, он произнёс:

Кто сказал, что у Нанетты
Грудь немножечко пышна?
Пустяки! В ладони этой
Вся поместится она!

– Ну, кто написал эти стихи? – громко вопрошал он, приглашая пассажиров посмеяться над «глупой и богатенькой».

– Ну, Беранже! И что?! – с яростью произнесла я, повернувшись к нему с лицом, полным гнева и решимости расправиться с надоевшим «артистом».

От неожиданности он упал в своё кресло, изумлённо глядя на меня. Не знаю, что поразило его больше – мой яростный голос, моё решительное лицо или знание стихов Беранже, на что выстулавший явно не рассчитывал, – но до конца поездки он не произнёс больше ни звука.

«Концерт» окончен, пассажиры задремали. В автобусе, наконец, воцарилась тишина. Я успокоилась и ещё долго ехала, думая об удивительных перипетиях судьбы – я уже слышала эти стихи, но в другом исполнении. Память рисовала мне набережную, скамейку и сидящего рядом со мной молодого человека. Он держал в руках раскрытый томик Беранже, читал стихи... Мы взглядывали тогда друг на друга влюблёнными глазами и улыбались.

Запах дыни

– И ещё вот сюда заедем.

Племянник сбавил скорость и остановил машину у открытого павильона с фруктами. Мы выбрали самые большие узбекские дыни и положили их на заднее сиденье. Я села рядом.

– Ну, на сегодня всё, – довольно произнёс племянник. – Теперь домой.

Мы поехали дальше. Я тоже была довольна. С тех пор, как он объявил о своей женитьбе, все его многочисленные тётушки жили радостным ожиданием этого события и – как могли – старались помочь «любимому племяннику» в его хлопотах.

Тёплый летний вечер был ещё ярок, и

я смотрела в окно, любясь его красками. Услышав тонкий аромат, исходивший от дынь, я невольно улыбнулась. Так могли пахнуть только узбекские дыни. Сладкий запах усиливался. Он уже завладел всем пространством. Я вдыхала этот аромат, нежный, настойчивый и что-то нестерпимо напоминающий...

Прошло ещё какое-то время, и я услышала свой голос:

– Конец лета... дыни... свадьба...

Я говорила медленно, будто во сне.

Племянник взглянул на меня в переднее зеркало.

– Какое-то странное ощущение, – продолжала я, – будто всё это уже было. Да... Я вспоминаю другую свадьбу...

...– А народу-то! – радостно произнесла подруга.

Мы зашли в огромный празднично убранный зал.

– Весь лёгкий состав, свободный от полётов, – подтвердил брат жениха, встречающий гостей. – Проходите.

Женщины несли к накрытым столам большие блюда, на которых лежали нарезанные узбекские дыни. Неповторимый аромат потянулся за ними тонким шлейфом.

– Надо же! – сокрушённо говорила одна из них – мать жениха. – Дыни специально привезли из Средней Азии, а они – жёсткие, зелёные.

Многолюдная весёлая свадьба пела и танцевала. Весь вечер мне пришлось отбиваться от «свободных от полётов», желающих потанцевать. То ли спасаясь от очередного «преследователя», то ли ещё почему, я шагнула к жениху:

– Можно тебя пригласить?

Радостно улыбаясь, он увлёк меня в середину зала, где мы смешались с другими парами. Вино, музыка, обаяние танцующего со мной человека... Что-то заставило чуть податься навстречу ему. Уловив это движение, он тут же прижал меня к себе и заговорил таким горячим голосом, будто был уже не в силах скрывать какую-то наболевшую тайну:

– Одно твоё слово – и ничего бы этого не было. Я так любил тебя!

Я взглянула на него изумлённо-испуганно:

– Что же ты раньше молчал?!

Музыка закончилась, пары разошлись, а мы стояли, не опуская рук и глядя друг на друга.

– Саша, не надо! – раздался громкий голос его отца.

– Потом договорим, – услышала я быстрые слова.

Мы отпрянули друг от друга...

Запах дынь был сильным, густым. Он крепко держал меня в своих объятиях, не выпуская из того времени, когда смог так сильно врезаться в мою память.

– Я столько раз потом вспоминала об этом... Столько раз жалела, что не вызвала его на крыльцо и не убежала с ним с этой свадьбы...

– Да-а-а... Какие ассоциации могут вызвать обычные дыни, – деликатно произнёс племянник, немного выждав и удивившись, что я закончила свой рассказ.

Мы ехали молча. А что ещё скажешь! Да и зачем? Молодая голова племянника была полна радостных мыслей о замечательном событии, которое он запомнит на всю жизнь – его ждала свадьба.

Вперёд и вверх

Это было очень давно. Был какой-то большой праздник, зима. На площади собралось много народу. Возможно, с нами были и другие родные, но память рисует мне только меня и маму. На санях, запряжённых лошадьми, катали детей.

Мне тоже очень хотелось покататься, но протолкнуться к ним через огромную толпу было невозможно. И вот подали последнюю тройку. С огромным трудом мама протиснулась со мной к лошадям, и когда они уже тронулись с места, каким-

то невероятным усилием подбросила меня вперёд и вверх так, что я очутилась в саях. Кажется, маму сбили с ног, и она упала, но мы уже отъезжали всё дальше и дальше от волнующейся толпы, ещё не веря своему счастью.

Городок наш тогда был ещё маленьким, и возница – молчаливый и страшный мужик – мчал нас по пустым улочкам вдоль темнеющего леса и казалось, нас везут в какую-то неведомую даль. Было и радостно, и страшно. Видимо, сидевшие рядом со мной дети испыты-

вали такие же чувства, так что ехали мы притихшие, с каким-то испуганным восторгом, желая лишь побыстрее вернуться обратно.

Наверное, мама дождалась меня, и, наверное, я ей потом что-то радостно рассказывала – память укрывает это от меня. Но с годами всё больше усиливается впечатление об истинно материнском чувстве и состоянии – изо всех своих сил подтолкнуть своего ребёнка вперёд и вверх – к лучшей жизни, даже если её саму при этом затопчут!

184

Тогда, в деревне...

Семье Хамидуллиных посвящается

Деревня... Даже не представляю себе, что ещё в раннем детстве не узнала бы, что это такое. Для городского ребёнка, как я, деревня – это целый мир, совершенно другой, с интересной, удивительной, особенной жизнью. С другими людьми, природой, животными. С другими правилами и обычаями. И боюсь, мне будет трудно отдать предпочтение городу.

В детстве мама каждое лето отвозила нас с сестрой в деревню к родственникам. Первая же встреча с деревней поразила моё воображение. Доехав до какого-то населённого пункта, мы вышли из автобуса и пересели в телегу с набросанным на неё сеном. Лошадь пошла медленно, телега задребезжала, и таким ходом мы долго ехали по дороге между полей. Мы уже подъезжали к деревушке, и осталось только проехать по мосту через небольшую речку с высокими обрывистыми берегами, как я увидела купающихся мальчишек. Они были совершенно голыми! Это удивило меня даже больше, чем дребезжащая телега. Не знаю, как купались в деревне девочки, но после появления потом у речки нас – городских девочек в купальниках – нагишом уже не купался никто.

Наш с мамой приезд был воспринят родственниками как большой праздник.

Со всех ближайших домов сбежались соседи. Все спрашивали маму, разглядывали нас с сестрой, а хозяйка суетились, накрывая на стол. Такую куриную лапшу я ела, наверное, первый раз – ароматную, вкусную, с красивыми золотистыми звёздочками в бульоне и с маленькими круглыми желтками. Весь вечер взрослые проговорили, а утром, когда мы проснулись, мамы уже не было – она уехала в город, и у нас с сестрой началась деревенская жизнь.

Днём в деревне дома оставалась только детвора и старики – взрослые целый день были на работе. Бабушка ставила самовар, снимала с него крышку и раскладывала внутри кружком яйца. Так они и варились в самоваре. И ещё она доставала из своего маленького сундучка, стоявшего у её кровати, по одной конфетке для нас, снова запирала сундучок на ключ и прятала его в крохотный карманчик на своём платье. Пока мы ели, бабушка ласково смотрела на нас и улыбалась. Потом её лицо становилось строгим, и она начала покрикивать на моих деревенских двоюродных сестрёнок, видимо, боясь, что они сейчас разбегутся, и она уже не сможет до вечера собрать их и заставить переделать все дела, пока взрослых нет дома.

А дел у девчонок было много. Нужно было принести воды в дом и заполнить все ёмкости. Ещё нужно было наносить воды в баню, чтобы к возвращению взрослых всё было готово. Баня стояла далеко за домом в огороде и идти к ней нужно было по узенькой тропинке через картофельное поле, то и дело наступая на картофельную ботву. Подходить к бане нужно было осторожно – она вся была окружена высокой и густой крапивой. Стоя целый день на солнце, крапива разогревалась и издавала сильный запах и от этого казалась ещё грознее. Идя по огороду уже с пустыми ведрами, мы то и дело останавливались, чтобы нарвать картофельных яблочек, которые появляются после цветения картофеля, а потом нанизывали их на нитки, делая бусы и украшая себя. А ещё нужно было наполнить водой большую бочку в огороде и полить все грядки.

Колонка с водой стояла в середине деревни – далеко от дома, а воду девчонки носили ведрами на коромыслах. Мне так ни разу и не удалось оторвать от земли два полных ведра с водой, а деревенские девчонки – даже младше меня – подхватывали коромысло с этими двумя ведрами и, немного присев от тяжести, можно сказать, бегом несли к дому воду, даже не расплёскивая её. Сколько раз за день приходилось им пробегать этот путь с такой тяжёлой ношей!

Воду нужно было принести ещё и в клуб, стоявший рядом с домом моих родственников. Днём там никого не было, и мы сначала слушали пластинки, под которые вечером танцевали взрослые, потом убрали из зрительного зала длинные скамейки и начинали мыть полы. Полы были сделаны из широких некрашенных досок и, чтобы отмыть их, нужно было сначала плеснуть водой, а потом долго скрести большим ножом, очищая от грязи. А уже потом вымыть тряпкой. На чистые и просохшие полы нужно было снова расставить скамейки и заполнить бак водой для желающих попить. И на этом обязательная программа заканчивалась. Наконец, можно было бежать на речку.

* * *

Речка была совсем рядом. Нужно только пройти мимо школы, которая летом была закрыта. В деревне на речку никто никого специально не звал. Достаточно было пойти кому-нибудь в её сторону, как тут же подбежал другой, а потом и третий с вопросом «вы на речку?», и к берегу подходила уже целая ватага. Завидев, что девчонки пошли купаться, мальчишки тоже приходили, но купались чуть в стороне от девочек. Ближе к мосту в самом глубоком месте плавали стайками гуси и утки. Берега у речки были высокие, крутые, глинистые и, накупавшись, нужно было подниматься по уже мокрой после кого-нибудь дорожке, скользя и падая, и заходя в воду снова, чтобы вымыть испачканные руки и ноги.

Мальчишки всё время задирали девчонок и что-нибудь весело кричали, поддразнивая их. Они прыгали в воду с высокого крутого берега, разбежавшись издали. Не знаю, как это получилось, но однажды, когда мы уже уходили домой, они так задразнили нас, городских девчонок, крича, что мы боимся прыгнуть с обрыва, хотя ни одна деревенская девочка не делала этого, так посмеялись, что я сорвалась с места, побежала в сторону обрыва и прыгнула вниз. Как только вода сомкнулась над моей головой, я так перепугалась, что пробкой вылетела на поверхность и, ничего не видя, замолотила руками и ногами по воде и каким-то образом доплыла до берега.

Поднявшись вверх по крутой тропинке, довольная, я подошла к девчонкам, с ужасом смотревшим на меня. Все, даже мальчишки, молчали. Как я это сделала – не могу даже сказать. Но то, что совершила потом, не смогу объяснить даже теперь – я разбежалась и прыгнула с этого высокого обрыва ещё раз! И ещё, и ещё... Совершенно не умея плавать, я каким-то образом выплывала и добиралась до берега. Если бы меня спросили – зачем это сделала, я бы не знала, что ответить. Скорее всего, сказала бы,

как обычно говорят в подобных случаях дети: просто так!

После этого случая мальчишки больше не дразнили нас при встрече ни у речки, ни на улице, а наоборот – подходили и довольно дружелюбно разговаривали о чём-нибудь. А мы перестали их бояться.

* * *

Вернувшись домой, мы подходили к столу, на котором стояла большая миска, наполненная густым прозрачным мёдом. Можно было отрезать большой кусок душистого хлеба, который тогда выпекали сами в домашних печах, зачерпнуть побольше мёда и есть. Иногда на столе стояла миска с белым айсбергом. Это был катык. Он не обрушивался, даже если от него отнимали большой кусок, а лишь покачивался. После жары эта белая прохлада во рту казалась наслаждением. Такой вкусный и величественно вздымающийся над тарелкой катык, приготовленный хозяйкой дома – удивительно доброй и заботливой женщиной – мне больше нигде потом не встречался. Бабушка была на улице возле кур, так что дожидаться чая не хотелось. Мы выпивали по кружке холодной воды – удивительно прозрачной и вкусной – из ёмкости, стоящей в сенях, и снова убежали на улицу.

Теперь можно было походить по двору, на котором было столько интересно! Например, залезть по лестнице на сеновал и там поваляться в душистом сене. Его было так много, что можно было играть в прятки, лазая по всей длинной крыше сеновала. Потом мы заходили в курятник. Куры ходили по двору, и нам никто не мешал осмотреть их жилище, потрогать яйца, которые уже лежали в гнёздах из сена. В некоторых гнёздах лежали круглые куски белого камня. Девчонки говорили, что их специально подкладывают, чтобы куры принимали их за яйца и садились нестись в гнёзда, а не куда попало. Потом мы заглядывали в деревенский холодильник. Это такое сооружение во дворе, представ-

ляющее собой небольшой холм, у которого была маленькая дверца. Открыв её, можно было увидеть внизу лестницу и глубокий погреб, на дне которого всё лето, даже в самую сильную жару, лежали снег и лёд. Туда ставили банки с молоком для хранения, так как в домах холодильников ещё не было.

Потом мы бежали в огород. Там стояла высокая черёмуха. Можно было залезть на забор и, стоя на нём, собирать и сразу есть самые крупные ягоды, пока не наешься так, что ужасно захочется пить. Прыгать с забора я всегда боялась. Мне казалось, что моё платье обязательно зацепится за высокие и острые края ограды, и я повисну. Напившись воды, можно было посидеть на разогретых на солнце брёвнах, лежащих у забора. Они, видимо, лежали уже давно, так как все заросли лебедой. Подбегали соседские девчонки, и мы о чём-то весело говорили.

В деревне интересно всё. Любой проходящий мимо человек или животное привлекают внимание и заставляют хотя бы молча проводить их взглядом по единственной дороге, проходящей через всю деревню. Откуда-то всякий раз появлялось удивительное зрелище – на огромном «взрослом» велосипеде по неровной от осенних дождей дороге проезжал какой-нибудь мальчишка. Причём, он располагался с одной стороны от велосипеда, находясь где-то под рамой, а на другой стороне была лишь его одна нога на педали. Руки были где-то сверху и держали руль. Мальчик не сидел, а висел в воздухе, то приседая, чтобы прокрутить педали, то поднимаясь на ногах, чтобы посмотреть на дорогу, обзор которой закрывало ему огромное переднее колесо. Так он и ехал, то поднимаясь, то опускаясь, успевая однако взглянуть в сторону и насладиться производимым эффектом. А впечатление было сильное – вся деревня провожала взглядом его извилистый путь. Такой сложный номер с ездой на велосипеде можно было, мне казалось, показывать на арене цирка. Я только удивлялась – как у него при

таком положении тела удерживалась на голове фуражка. Мы долго провожали взглядом этого мальчишку.

Иногда мимо нас с грохотом пролетала повозка, запряжённая лошадью в какую-то особенную телегу с высокими бортами, кажется, называемую арбой. Сидящий, вернее, стоящий в телеге парень в летней майке и осенней фуражке что-то весело кричал нам и выбрасывал на ходу большую охапку зелёного горошка, сорванного в поле, и проносился дальше. Мы налетали на эту охапку, как стайка воробьёв, радостно щебеча, и долго потом перебирали пушистое зелёное облако, показывая друг другу – кому что досталось и с удовольствием ели сладкий зелёный горошек. Стручки были ещё нежные, и их тоже можно было есть. Закончив с горохом, мы вставали с брёвен и шли по деревне.

* * *

В середине деревни торчал большой столб, на котором вывешивали разные объявления и афиши. И можно было узнать – какой сегодня в клубе будет фильм. А ещё там стоял единственный на всю деревню магазин. Такой, какой показывают в старых фильмах – деревянный, с высоким крылечком, внутри которого тесно, и на прилавках лежит самый разный товар. Мы ничего не покупали, да это в деревенском магазине и не обязательно. Можно просто зайти, поздороваться и посмотреть – что у них есть. Или поговорить с кем-нибудь. Пока девочки отвечали на вопросы расспрашивающей их продавщицы, я подходила к витрине с конфетами. Я всегда смотрела на одну и ту же полочку, на которой лежал шоколад. Это были обломки плиточного шоколада, и они продавались на вес. Я думала, что обломков так много, что продавщице, наверное, можно взять один и съесть. И ещё смотрела на весы. Они были необычные – в виде двух уточек, глядящих друг на друга. У каждой из них была большая чашка. На одну можно было

положить товар, а на другую – гири. Я только не понимала – как продавщица считает: она клала товар на одну чашку, а гири – на обе и говорила – сколько это стоит.

Насмотревшись на витрины с конфетами и пряниками, мы выходили из магазина и шли гурьбой обратно. Проходили мимо домов, у которых на маленьких скамейках сидели старики или старушки. Днём дома взрослых не было, и старикам хотелось хоть с кем-нибудь поговорить, хотя бы с малышкой. Они издали здоровались с нами, привлекая к себе внимания, и засыпали вопросами. Но после второго или третьего вопроса девочки от них отмахивались, так как слышали их каждый день, и мы шли дальше. Около одного дома за высоким забором росла малина с крупными ягодами. Она так и манила нас к себе, но забор был очень высок, а кусты малины – колючие. И мы шли дальше.

* * *

Летний день в деревне длинный. Можно было сходить на ферму. Она стояла недалеко – за речкой. Нужно только пройти по мосту на другую сторону. Мост был достаточно крепким. По нему проходили машины, но он слегка покачивался, да и перил у него не было, и идти по нему было страшновато. Мне казалось, что он вот-вот развалится. Но всякий раз мы благополучно проходили по нему и приходили на ферму. Там мы поили телят из ведра какой-то смесью молока и зерна. Телята стояли в большом стойле, толкались и пытались выпить из ведра всю смесь. И нужно было, попоив одного телёнка, помазать ему лоб этой смесью, чтобы было видно, что он уже пил, и дать ведро другому. Телята толкались, и мы отодвигали их морды от ведра, чтобы они не мешали. Было и смешно, и боязно. Работа на ферме казалась простой и забавной. И только потом, став взрослой, я смогла представить, какой большой и тяжёлый это труд – работа на ферме.

Иногда мы ходили на пасеку. Она была далеко от деревни и идти к ней нужно было долго-долго по дороге между полей. В деревне очень много неба, солнца... Мы идём не торопясь и несём с собой чайник с водой, так как на пасеке воды нет. Наконец, мы входим в прохладу леса. Там на большой поляне стоят маленькие пчелиные домики – ульи. Пасечник радостно встречает нас. Он ходит в специальной шапке с сеткой от пчёл и даёт нам такие же головные уборы. Нам смешно ходить в этих невероятных шляпах, но пчёл боимся, и надеваем себе на головы эти кажущиеся маскарадными шляпы. Пасечник показывает нам, как он работает с пчёлами, окуривая их дымом из специального сосуда, и потом, открыв крышку пчелиного домика, достаёт прямоугольные коробочки, заполненные мёдом. По ним ползают пчёлы, отлетая в нашу сторону и угрожающе гудя.

А потом пасечник угощает нас мёдом, нарезая соты крупными кусками. Мёд вкусный, ароматный и кажется, что ты можешь съесть его много. Но вода в чайнике заканчивается быстро и запивать сладкий мёд уже нечем. Мы ещё немного побродим по пасеке и обязательно подходим к балкону, построенному пасечником высоко на дереве. Чтобы туда забраться, нужно сначала подниматься вверх по очень длинной лестнице, потом лезть по дереву, вставая на толстые ветки и держась за них, и вот ты на балконе – небольшой площадке с перилами. Внизу – уже кажущаяся маленькой поляна с ульями, домик пасечника, а перед глазами – лес, вернее, кроны деревьев. Спускаться с этого балкона страшно, поэтому я забиралась на него всего один раз. Насмотревшись, найдя по пасеке, мы возвращаемся домой.

* * *

День сменяется вечером, и когда воздух становится тёмно-розовым, в деревню возвращается стадо. Этот ежедневный спектакль выходит посмо-

треть откладывая дела, всё местное население. Взрослые к тому времени уже вернулись с работы, и у ворот каждого дома стоят встречающие. Стадо идёт по деревне медленно, мыча, ревя и бляя на все лады. И слышен этот оркестр издалека.

Мы тоже стоим у ворот, наблюдая за проходящей мимо процессией. Я всегда удивлялась тому, что от стада то и дело отделялась маленькая группа овец или корова, поворачивала к какому-нибудь дому и заходила в открытые ворота, встречаемая ласковым приветствием ожидающей хозяйки. Как животные не ошибались – мне было непонятно. К нашим хозяевам тоже заходила большая корова с огромными рогами, подходила к приготовленному для неё ведру с водой и картофельными очистками, долго пила воду, смотрела по сторонам и уходила в коровник. Можно было спуститься с высокого крыльца и подойти к овцам, которые тоже стояли во дворе и пили воду. Мы гладили маленьких овечек по узким мордочкам и пытались потаскать их за шерсть.

В доме уже вкусно пахло, и от печи шло уютное тепло. Поужинав и напившись парного молока, можно было залезть на тёплую печь по узеньким крутым ступенькам и лежать там с девочками на каких-то мягких шкурах под пощёлкивание затухающих углей, хихикая, придумывая и представляя себе самые невероятные истории.

* * *

Вечером мы ходили в клуб. Это было радостное событие, пропускать которое не хотел никто. Так что в клуб каждый вечер приходила вся молодёжь. Ребятушка занимала место на полу перед экраном, остальные рассаживались по скамейкам, и сеанс начинался. С радостью воспринимался любой фильм, даже если его недавно уже показывали. Когда фильм заканчивался, и мы выходили на улицу, было уже совсем темно. Уходить ещё не хотелось, но на танцы оставались только взрослые –

все, кто был старше нас, казались нам тогда взрослыми. Они стояли стайками на крыльце, разговаривали, пили воду из бака, зачерпывая её железной кружкой, и ждали танцев. А мы шли домой. Каждый раз я удивлялась, как девчонки находят дорогу домой? На улице было так темно, будто всё вокруг выкрасили чёрным варом, какой иногда варили в больших котлах на улицах у нас в городе. Мы ещё потом жевали маленькие остывшие осколки этого вара. Вот и в деревне ночью воздух вокруг нас был такой же чёрный и густой. Не видно было даже своих пальцев, поднесённых к лицу. Я крепко держала кого-нибудь из девчонок за руку и ужасно трусилась. Мне казалось, что в такой темноте кто-нибудь налетит, отобьёт и унесёт меня куда-то. С разговорами проходила стайка мальчишек, у которых был, наверное, единственный на всю деревню фонарик, тускло освещающий дорогу. Потом всё опять погружалось во мрак.

Когда мы приходили домой, взрослые и малыши уже спали, и нужно было тихонько лечь спать. Девчонки засыпали сразу же. А я долго не могла уснуть после ночной дороги, пугающей своей густой темнотой, после увиденного фильма. Но больше всего ото сна меня отвлекала кукушка, которая каждые пол-

часа показывалась из настенных часов. Она не просто показывалась и куковала положенное число раз – она вылетала с треском, будто вырывалась из западни, оглушительно куковала и исчезала так же внезапно, как и появлялась, с таким же грохотом захлопнув за собой дверцы. Никто на неё не обращал внимание. Все спали. А я всю ночь отсчитывала её выходы и засыпала уже к утру. А утром яркое солнце будило меня, и начинался новый, большой, интересный летний день в деревне.

* * *

...Прошло много лет. Я очень долго не была в деревне. Но меня снова стало тянуть в те края, где пахло парным молоком, свежеиспечённым хлебом, душистым сеном, самоварным дымом, топящейся баней и разогретой на солнце крапивой. Туда, где много неба, солнца и цветущих в поле подсолнухов. Где день очень длинный и можно беззаботно бегать босиком с девчонками по улице и заходить в любой двор, и тебе будут рады. Туда, где вечером воздух становится тёмно-розовым, а ночью на небе видны все звёзды. Вернуться туда, где жили дорогие мне люди и где я была ещё маленькой и меня очень любили.